

ТЕАТР,

Начался театральный сезон — второй после исторического XXII съезда партии. И начался торжественнее и оживленнее, чем любой предыдущий: Государственный академический театр драмы имени В. Кингисеппа во время Недели эстонского искусства выступал перед молдавскими трудящимися, а коллектив «Эстонии» успешно завершил гастроли в городе-герое Ленинграде. Показаны и первые премьеры нового сезона. А взглянув в планы, можем убедиться, что театры принасли для нас и на предстоящие месяцы немало радостного. Не вызывает сомнений, что и в этом сезоне будет продолжаться идейно-художественный рост советского театрального искусства.

В прошлом году в театрах Советской Эстонии побывало примерно 1.200.000 человек, или в два раза больше, чем в самые оживленные сезоны буржуазного времени. Эта большая цифра свидетельствует об огромной популярности театрального искусства; вместе с тем она напоминает о том, какое важное слово должен говорить театр в наше время, когда стоит задача коммунистического воспитания масс.

Было бы неверно утверждать, что наши театры не сознают своей ответственности. Напротив, они интенсивно ищут пути, изыскивают возможности для успешного решения задачи, поставленной XXII съездом КПСС, — усилить воспитательную роль искусства в формировании нового человека.

В своей работе театры сталкиваются с различными трудностями, им приходится решать много сложных вопросов. Думается, не лишне остановиться на некоторых из этих вопросов, особенно актуальных для нашей сегодняшней театральной жизни.

1. РЕПЕРТУАР. Старая, сколько раз обсуждавшаяся и все-таки большая проблема. Хотя и здесь за последние годы многое изменилось.

Самое существенное в этих переменах можно определить так: пьеса, рассказывающая о нашей сегодняшней жизни, о живучих проблемах современности, заняла центральное место в театрах Советской Эстонии. Яркий факт: из 67 премьер прошлого сезона 44 посвящены нашим дням. Это пьесы советских авторов. Приятно отметить, что лучшие драматические произведения последних лет — «Иркутская история» А. Арбузова, «Океан» А. Штейна, «Все остается людям» С. Алексина, «Четвертый» К. Симонова и другие — быстро нашли дорогу и в театры нашей республики.

Еще совсем недавно некоторые театральные работники утверждали, что пьеса на современную тему не интересует зрителя, что «касса делают» только классический репертуар или развлекатель-

ные легкие пьесы. А теперь сами зрители, сама жизнь решила этот спор, не оставив от таких расхождений камня на камне. Зритель не только

интересуется — он требует хороших пьес, в которых отражены основные проблемы современности, в которых действуют наши товарищи и соратники по борьбе за построение коммунизма. Это ярко подтверждается и статистикой посещения спектаклей, и ответами зрителей на анкеты, предлагавшие им в ряде театров. Это свидетельствует и о развитии советской драматургии, и о росте идейной сознательности и художественного вкуса зрителей.

И все-таки надо сказать, что запросы зрителей пока еще удовлетворяются слабо. Несмотря на успехи, проблема репертуара не

яндиский театры были совершенно лишены оригинальных пьес. Не лучше положение и в музыкальной драматургии, где главной помехой развития является отсутствие либретто. В начавшемся сезоне перспективы на появление новых оригинальных произведений пока весьма туманны. Театры вправе требовать от наших писателей больше новых интересных пьес, большего внимания к нуждам сцены.

Именно хороших, глубоко современных пьес. В статье нет возможности подробно анализировать новые пьесы, но хотелось бы сказать об одной проблеме, которая представляется главной. Почему пьеса А. Лийвеса «По эту сторону горизонта» стала столь радостным событием, почему из всех произведений, поставленных в прошлом сезоне, она запомнилась больше всего? А ведь пьеса не лишена

ДРАМАТУРГИЯ,

перестала быть основным узким местом. Зрители, например, часто высказывают нарекания, что в репертуаре оперетты театра «Эстония» забытые похождения графов неохотно уступают место произведениям, рассказывающим о сегодняшней жизни, что еще редко приходится слышать современную советскую оперу, что не во всех театрах основное место в репертуаре заняла современность, не всегда удачен выбор пьес.

В чем же здесь дело?

Несомненно, что недостаток в хороших многообразных сценических произведениях (особенно музыкальных) свойствен не только нашей республике. Но разве мы использовали все имеющиеся резервы и возможности, чтобы восполнить этот недостаток? Разве наши театры оперативно узнают о всех новинках и интересных пьесах, которые идут в театрах братских республик? К сожалению, на эти вопросы нельзя ответить утвердительно. Вот, например, пьесы латышских драматургов мы видим на своей сцене часто, и это хорошо. Вместе с тем наш зритель почти совершенно не знаком с современной литовской драматургией. А о польских драматургии более отдаленных территорий братских республик и говорить не приходится. Неужели в этих республиках и в самом деле не создано ничего, что могло бы привлечь внимание наших зрителей? Вряд ли: товарищи после поездок в эти республики делают очень яркими театральными впечатлениями. По-видимому, причина заключается в неполной информации и недостаточном контакте с театрами других республик —, попросту мы не в курсе их театральной жизни.

Этот пробел нужно восполнить.

В одной из своих статей театральный критик К. Каск пишет: «Театр без свежей современной

оригинальной

драматургии

все равно, что

река без воды».

Верно сказано.

И если воспользо-

ваться этим

сравнением, на-

до заметить, что

мы, к сожалени-

ю, не можем

похвалиться

полноводьем на-

шей театраль-

ной реки. В про-

шлом сезоне

свет рамы уви-

дели только

пять пьес для

взрослых, соз-

данные эстон-

скими авторами:

«По эту сторо-

ну горизонта»

А. Лийвеса,

«Слепой» А.

Альта, «Крест

и роза» П. Киль-

гаса, «Летняя

ночь наяву» М.

Рауда и «Доро-

га жизни» И.

Рассомахина.

Скучно, что и

говорить, на-

столько скучно,

что «Ванемуй-

не», Раквере-

ский и Виль-

недостатков: но в ней есть правда жизни, писатель высказал мысль о самом значительном явлении нашей жизни — о формировании нового человека и поместил в фокус событий этого нового человека. К сожалению, нельзя сказать того же обо всех драматических произведениях. И, читая рукописи, поступившие на недавний конкурс пьес, очень часто замечаешь, что нет в них серьезных размышлений о жизни, авторы не вывели на сцену настоящего героя нашего времени, прототипы которого так часто встречаются рядом с нами. А без этого не может быть полноценного произведения, способного захватить нашего современника.

Итак, театр ждет таких пьес, которые отвечали бы на основные вопросы нашей эпохи, в которых зрители увидели бы героя наших дней — мужественный, высокий и человеческий образ строителя коммунизма.

2. Мы не можем закрывать глаза и на другое, не менее тревожащее явление. В практике нашего театра стали частыми случаи, когда спектакль, построенный на интересном, многообещающем драматургическом материале, оказывается серым и трафаретным, неубедительным и нежизненным. Критика приводила немало примеров «отставания» театра от драматургии, когда новое и новаторское, все больше прорывающееся из жизни в драматургию, в постановке утрачивается, от него остается бледная тень. В большей или меньшей степени это можно сказать и о «Проводах белых ночей» В. Панова, показанных Пярнуским театром, о постановке «Яблока раздора» М. Бирюкова в «Ванемуйне», о ряде других спектаклей. Не более плодотворен и другой путь, когда подлинное новаторство подменяется спорными формальными экспериментами, внешней условностью, которая ничего не прибавляет к спектаклю. Эта тенденция особенно заметна в постановках И. Паркалаб в Государственном русском драматическом театре, и критика с полным правом резко указывала на это в статьях о спектакле «Жизнь и преступление» Антона Шелестова».

Однако довольно примеров. Сейчас существеннее указать на тревожащие тенденции, найти их корни. В чем же они таятся?

Думается, что пора поставить вопрос так: всегда ли наши театры и все ли актеры подготовлены к тому, чего требует от них новое в жизни и в драматургии? Мы много говорим, например, о том, что писатель должен знать жизнь, а не следует ли в гораздо большей степени потребовать этого и от постановщика и актера? Ведь именно в поверхностном знании жизни и кроется обычно причина того, что жизненный образ, созданный драматургом, превращается на сцене в схему: что-то подобное актер видел в какой-то другой постановке, а в жизни почерпнуть материал не удалось. Нужно больше и требовательнее говорить о гражданственности актера, о его идейно-теоретической подготовке, о культурном кругозоре.

Театр — воспитатель народа. Надо думать, что и воспитание самих воспитателей требует более пристального внимания и продуманной организации. Да, повышение идейно-политической сознательности и профессионального мастерства работников театра, углубление знания жизни и воспитание гражданственности должны сейчас острее, чем когда бы то ни было раньше, стать на повестку дня. Ведь без этого театр не может идти в ногу с жизнью, с растущими со дня на день требованиями.

3. АНАЛИЗИРУЯ состояние театральной критики, приходишь к такому выводу: по крайней мере за полгода в нашей периодике не появилось ни одной критической статьи о Кохтла-Ярвском театре. Театр работает, готовит новые постановки, обслуживает тысячи людей, но его поиски, достижения и неудачи не находят у критиков никакого отклика. Разве можно считать это нормальным?

К сожалению, это не единственное, в чем можно предъявить серьезный счет критике. Ведь многие постановки (особенно в Государственном русском драматическом театре, Ракверском театре и кукольном театре) не рецензируются. В газетах, выходящих за пределами Таллина (за исключением тартуской «Эдази» и частично «Пярну коммунисте»), по правде сказать, вообще нет театральной критики. В республиканской прессе все еще печатаются примитивные или даже ошибочные рецензии, частично снижается требовательность к идейно-художественному решению спектаклей. Мало в нашей критике страстной публицистики, не

КРИТИКА

всегда статьи о театре связаны с жизнью.

Не имеет смысла перечислять все упущения нашей театральной критики, это требует специального разбора. Но обойти один вопрос все-таки нельзя. Именно вопрос о том, что наша критика все еще избегает широких обобщений, редко подымает и анализирует общие явления и главные проблемы нашей театральной жизни. Достаточно одного примера: изпод пера театральных критиков республики вышла всего-навсего одна статья, подводящая итоги предыдущего сезона; ожидавшегося широкого обсуждения итогов сезона не состоялось. Но ведь до тех пор, пока будет существовать подобная инертность критиков, будет недостаточной и их роль в дальнейшем развитии театрального искусства.

Нельзя сказать, чтобы у нас не было знающих свое дело критиков. Нет недостатка и в проблемах, которые требуют внимательного отношения. Это проблемы репертуарной политики театра, вопросы взаимоотношений театра и драматурга, театра и публики, проблемы воплощения образа современника, совершенствования актера, подлинного и показного новаторства и многие другие. И мешает решению этих проблем только лишь укоренившаяся инертность самих критиков и редакторов некоторых газет и журналов, не поощряющих в достаточной степени театральную критику. Эту инертность нужно преодолеть. Ведь ныне, когда наш театр ищет новых путей, чтобы идти в ногу с требованиями бурно развивающейся жизни, он особенно настоятельно требует, чтобы рядом с ним стоял мудрый, принципиальный, внимательный, требовательный и готовый помочь критик.

Я остановился лишь на трех проблемах, но в нашей театральной жизни немало и других актуальных, назревших вопросов. Хотя театр всего лишь часть нашей жизни, вместе с тем он и самостоятельный мир, со своими трудностями роста и бесчисленными проблемами. И чем успешнее они будут решены, тем больше радости даст театр тысячам и тысячам людей, тем весомее будет его вклад в завтрашний день нашего народа.

Олаф УТТЬ.